

Март 1983 г.

Мне часто снится отель «Дельфин».

Во сне я принадлежу ему. По какому-то странному стечению обстоятельств я — его часть. И свою зависимость от него там, во сне, я ощущаю совершенно отчетливо. Сам отель «Дельфин» в моем сне какой-то искаженно-вытянутый. Очень узкий и длинный. Такой узкий и длинный, что вроде и не отель, а каменный мост под крышей. Фантастический мост, который тянется из глубины веков до последнего мига Вселенной. А я — элемент его мощной конструкции... И внутри кто-то плачет еле слышно. Я знаю — плачет из-за меня.

Отель заключает меня в себе. Я чувствую его пульс, ощущаю тепло его стен. Там, во сне, я — один из органов его огромного тела...

Такой вот сон.

Открываю глаза. Соображаю, где я. И даже говорю вслух. Где я? — спрашиваю сам себя. Вопрос, лишенный всякого смысла. Задавай его, не задавай — ответ всегда известен заранее. Я — в своей собственной жизни. Вокруг — моя единственная реальность. Не то чтобы я желал их себе такими, но вот они — мои будни, мои заботы, мои обстоятельства. Иногда со мной рядом спит

женщина. Но в основном я один. Ревущая скоростная магистраль за окном, стакан у подушки (с полпальца виски на доньшке), да идеально соответствующий обстановке — а может, и просто ко всему безразличный — пыльный утренний свет. За окном дождь. Когда с утра дождь, я не сразу вылезаю из постели. Если в стакане осталось вчерашнее виски — допиваю его. Наблюдаю за каплями, что срываются с карниза за окном, и думаю об отеле «Дельфин». Вытягиваю руку перед собой. Ощупываю лицо. Убеждаюсь: я — сам по себе, никакому отелю не принадлежу. Я НИЧЕМУ НЕ ПРИНАДЛЕЖУ. Но ощущение из сна остается. Там, во сне, попробуй я вытянуть руку вот так же — и огромное здание заходило бы ходуном. Точно старая мельница, к которой заново подвели воду, закрипело бы оно, заворочало вал за валом, шестеренку за шестеренкой — и всем корпусом до последнего гвоздя отозвалось бы на мое движение. Если прислушаться, можно даже различить, в какие стороны этот скрип разбегается... Я прислушиваюсь. И различаю чьи-то сдавленные рыдания. Из крошечного мрака доносятся они еле слышно. Кто-то плачет. Тихо и безутешно. Плачет и зовет меня.

Отель «Дельфин» действительно существует. Притулился на углу двух убогих улочек в Саппоро. Несколько лет назад я прожил там целую неделю. Нет — попробую вспомнить точнее. Восстановить все в деталях... Когда это было? Четыре года назад. Еще точнее — четыре с половиной. Мне тогда не было и тридцати. Мы поселились там на пару с подругой. Собственно, она-то все и решила. Вот, говорит, здесь и поселимся. Дескать, мы просто должны поселиться именно в этом отеле — и ни в каком другом. Не потребуй она, мне бы и в голову не пришло останавливаться в таком странном месте.

То был обшарпанный, богом забытый отелишко: за неделю нашего пребывания там я встретил в фойе всего двух или трех человек — да и о них было крайне трудно сказать, живут они здесь или забежали на пять минут по делам. Судя по тому, что на доске за стойкой портье кое-где недоставало ключей, постояльцы у отеля «Дельфин» все же имелись. Немного. Совсем чуть-чуть. А поскольку телефон отеля мы нашли в справочнике большого города, подозревать, будто здесь вообще никто не останавливается, было бы просто странно. Но если, кроме нас двоих, здесь и жил кто-то, надо полагать, существа это были страшно робкие и забытые. Видеть мы их не видели, слышать не слышали и никакого их присутствия не ощущали. Разве только порядок ключей на доске у портье менялся день ото дня. Видимо, даже по коридорам они передвигались бледными тенями, затаив дыхание и прижимаясь к стенам. Лишь изредка тишину в здании нарушало гроыхание старого лифта; но лифт замирал, и тишина обваливалась еще тяжелее, чем прежде...

Совершенно мистическое заведение.

При взгляде на него мне всегда казалось, будто передо мной ошибка мировой эволюции. Жертва зашедших в тупик генетических трансформаций. Уродливая рептилия, чей биологический вид долго мутировал не в том направлении — слишком долго, чтобы теперь меняться обратно. В результате же все особи этой ветви повымирили, только одна осталась в живых — и громоздилась теперь, сиротливая и неприкаянная, в угрюмых сумерках нового мира. Жестокого мира, где даже Время от нее отреклось. И обвинять в этом некого. Нет виноватых — и совершенно нечем помочь. Потому что с самого начала не надо было устраивать здесь отель. С

этого, самого главного промаха все и пошло вкривь да вкось. Как сорочка, которую застегнули не на ту пуговицу, и она совсем немного перекосилась. Любые попытки исправить этот маленький перекокс приводят к такому же легкому, почти элегантному беспорядку еще где-нибудь. И так, понемногу, вся сорочка оказывается перекошенной, с какой стороны ни смотри... Бывает на свете такая особая перекошенность. Если часто смотреть на нее, голова привыкает произвольно клониться вбок. Вроде никаких неудобств: наклон очень слабый, всего в несколько градусов. Легкий, естественный наклон головы. Привыкнешь — и можно вполне уютно жить на свете. Если, конечно, не обращать внимания на то, что весь остальной мир воспринимается под наклоном...

Именно таким был отель «Дельфин». Его убогость, как и обреченная готовность в любую секунду провалиться сквозь землю от всех нелепостей, скопившихся в нем за десятки лет, бросались в глаза любому. Жутко тоскливое заведение. Тоскливое, как колченогая псина под январским дождем. Конечно, на свете нашлось бы немало отелей еще тоскливее этого. Но даже поставленный с ними в ряд, отель «Дельфин» смотрелся бы по особому. Тоска была заложена уже в самом проекте здания. И от этого становилось тоскливей вдвойне.

Стоит ли говорить: за исключением бедолаг, попавших сюда по ошибке или неведению, трудно было найти человека, который поселился бы в отеле «Дельфин» добровольно.

На самом деле отель назывался несколько иначе. «Dolphin Hotel» — вот как это звучало официально. Но образ, рождаемый таким названием в моей голове, настолько отличался от того, чем приходилось довольст-

воваться в реальности — при словах «Dolphin Hotel» мне представляется роскошный сахарно-белый отель где-нибудь на побережье Эгейского моря, — что я про себя называл его просто «отель “Дельфин”». Как бы в отместку вывеске «DOLPHIN HOTEL», висевшей у входа. Без вывески догадаться о том, что перед вами отель, было бы невозможно. Но даже с вывеской здание никак не выглядело отелем. Больше всего напоминало оно музей. Хранилище каких-то особенных знаний, куда тихонько, чуть не на цыпочках, заходят особенные посетители и со специфическим любопытством в глазах разглядывают экспонаты, ценность которых понятна лишь специалисту...

Не знаю, казалось ли так же кому-нибудь еще. Но, как я выяснил позже, такое впечатление было не просто полетом моей фантазии. На одном из этажей здания действительно располагался архив.

Кто же захочет селиться и жить в таком месте? В музее с полуистлевшим хламом неизвестного назначения? В лавке старьевщика, где мрачные коридоры заставлены бараньими чучелами, в воздухе пыльными клочьями плавают овечья шерсть, а стены завешаны порыжевшими фотографиями? В мрачном склепе, где даже мысли людей, не найдя себе применения, скопились по углам засохшей грязью?

Вся мебель в отеле повыщвела, столы шатались, и ни одна дверь не запиралась как следует. Лампы едва горели — в коридорах висел густой полумрак. Вода из свинченных кранов в туалетах текла не переставая. Ожиревшая горничная (ноги как у слона) бесцельно шаталась по коридорам, чахоточным кашлем напоминала миру о своем существовании. Управляющий отелем, средних лет мужчина с жалобными глазами, само-

лично просиживал с утра до ночи за стойкой в фойе, и на руке у него недоставало двух пальцев. На его лице было ясно написано: за какое дело бы он ни взялся, ничего хорошего не получится никогда. То был классический представитель племени неудачников. Как если бы его поквасили сутки-другие в бочке с чернилами, затем отпустили — и как бедняга ни пытался потом отмыться, злая карма ошибок, провалов и хронического невезения въелась в кожу голубовато-унылым оттенком и навеки осталась с ним. Этого типа явно стоило посадить под стекло и показывать школьникам на уроках естествознания. Под табличкой: «Человек, Безнадежный Во Всех Отношениях». Одним своим видом он вызывал у посетителей жалость — а некоторых, уверен, и раздражал (бывают люди, которые злятся, когда нужно кого-то жалеть)...

Ну кому взбрдет в голову здесь селиться?

Но мы поселились. «Мы просто обязаны здесь поселиться!» — уговорила меня подруга. И вскоре исчезла. Как сквозь землю провалилась, оставив меня одного. Об этом мне сообщил Человек-Овца. «Девчонка ушла, — сказал он. — Девчонка должна была уйти»... Теперь-то я понимаю, что́ все это значило. Ее главной задачей было сделать так, чтобы я пришел сюда добровольно. И она блестяще сыграла свою роль. Роль указки Судьбы. Как реки Молдавии. Куда по ним ни сворачивай — все равно выплываешь к морю... Лежу и думаю об этом, глядя на дождь за окном. Думаю о Судьбе.

С тех пор как у меня начались эти странные сны, по утрам в голове так и вертится мысль о пропавшей подруге. С каждым утром все отчетливей кажется, будто я снова ей нужен — и что она зовет меня. Иначе с чего бы мне снился отель «Дельфин»?

«Подруга»... Я ведь даже имени ее не знаю. Прожили вместе несколько месяцев — а я так и не знаю о ней ни черта. Знаю лишь, что работала «девушкой по вызову» в дорогом ночном клубе. Элитарном, с членской системой и респектабельными клиентами. Шлюха высшей категории. И кроме этого еще подрабатывала в нескольких местах. Днем правила тексты в небольшом издательстве, да время от времени подряжалась фотомоделью для рекламы женских ушей. Словом, жила очень наполненной жизнью. И, конечно, без имени никак не могла. Скорее всего, у нее было даже несколько разных имен. И в то же время — ни одного. На ее вещах — а она, понятно, старалась носить с собой только самый минимум — имени хозяйки не значилось. Ни проездного билета, ни водительских прав, ни кредиток я никогда у нее не видел. Постоянно с собой она носила только миниатюрный блокнотик, куда тоненькой ручкой заносила какую-то невразумительную цифирь — коды-шифры, понятные лишь ей одной. Во всей ее жизни со мной было совершенно не за что зацепиться... Не знаю: может, у шлюх тоже есть имена. Вот только живут они в том измерении, где имен не бывает.

Как бы там ни было, мне почти ничего о ней не известно. Откуда приехала, когда родилась, сколько лет на самом деле — не имею ни малейшего представления. Как мимолетный дождик, она появилась вдруг и так же внезапно исчезла. Оставив лишь воспоминания...

Но в последнее время воспоминания эти становятся что-то слишком реалистичными. Странные вещи мерещатся мне. Будто это она, подруга, зовет меня из отеля «Дельфин» в моем сне. Будто я снова ей нужен. Но повстречаться мы можем, только если я приеду в отель. Там, в отеле «Дельфин», она плачет и ждет меня.

Наблюдаю за каплями. Прислушиваюсь к себе. Я чему-то принадлежу... Кто-то плачет и ждет меня... И то и другое воспринимается очень издалека. Словно происходит где-нибудь на Луне. Что ни говори, а сны — это сны. Как ни беги за ними вдогонку — не добежишь, не дотянешься.

Да и с чего бы кому-то из-за меня так убиваться?

И все-таки. Все-таки она меня ждет. Там, в одной из комнат отеля. Я и сам в душе хочу, чтобы так было. Я тоже хочу принадлежать ему — странному дому, в котором переворачиваются судьбы людей...

Однако вернуться в отель «Дельфин» — задача не из простых. Заказать по телефону номер, купить билет, прилететь в Саппоро — если бы все сводилось лишь к этому! Проблема поездки в отель «Дельфин» — в самом отеле «Дельфин». Вернуться туда — значит встретиться с теньями Прошлого. При одной мысли об этом я впадаю в меланхолию. Четыре года я, как мог, разгонял вокруг себя эти холодные мрачные тени. Но стоит вернуться в отель, и псу под хвост полетит вся та жизнь, которую я выстроил заново за эти четыре года, начав с нуля.

С другой стороны, не так уж и много я выстроил... Как ни смотри, почти все — бессмысленный мусор, хлам для уютного прозябания...

И все-таки — я сделал все, что мог. Собрал этот хлам, подогнал половчее к реальности и к себе, слепил из своих куцых ценностей новое бытие... И что теперь — обратно в прежнюю жизнь без кола и двора? Распахнуть окно — и повыкидывать все к чертовой матери?

Хотя, в конечном итоге, лишь так и сможет начаться что-нибудь новое. Уж это я понимаю. Лишь так — и никак иначе...

Все еще лежа в кровати, я уставился в потолок и глубоко вздохнул. Плюнь, сказал я себе. Расслабься. Ни к чему эти рассуждения не приведут. То, что с тобой происходит, сильнее тебя. Рассуждай, не рассуждай — а начнется все именно с этого... Таков порядок. Хоть тресни.

Пора наконец представиться.

«Несколько слов о себе»...

В школе, помню, частенько приходилось этим заниматься. Из года в год, когда набирался новый класс, все выстраивались в линейку, и каждый по очереди выходил вперед и рассказывал о себе, как умеет. Я никогда не мог этого делать как следует. И дело тут даже не в умении. Само занятие казалось полным бредом. Что я вообще могу знать о себе? Разве то, каким я себя представляю, — настоящий я? Если собственный голос, записанный на магнитофонную пленку, получается странным, чужим, что говорить о картинках, которые мое воображение рисует с меня, перекраивая, извращая мою натуру, как ему заблагорассудится?.. Подобные мысли всю жизнь копошились у меня в голове. И всякий раз, когда я знакомился с кем-то и приходилось рассказывать «что-нибудь о себе», я чувствовал себя, точно двоечник-прохиндей, исправляющий отметки в классном журнале. Колоссально неудобное ощущение... Поэтому я всегда старался не рассказывать о себе ничего, кроме голых фактов, которые не нужно ни комментировать, ни объяснять («держу собаку»; «люблю плавать»; «ненавижу сыр»; и так далее), — но в итоге мне все равно продолжало мерещиться, будто я рассказываю какие-то придуманные вещи о несуществующем человеке. И когда в таком состоянии я слушал рассказы

других, казалось, что они тоже болтают не о себе, а о ком-то третьем. Что все мы живем в придуманном мире и дышим придуманным воздухом...

И все-таки придется что-нибудь рассказать... Только так все и может начаться — с болтовни о себе. С этого первого шага. Удачно ли, нет — рассудим после. Я сам рассужу, другие рассудят — сейчас неважно. Сейчас я должен болтать о себе. И при этом — помнить, о чем болтаю...

Сыр я теперь люблю. Когда полюбил — не помню; как-то само полюбилось. Собака моя простудилась под дождем и умерла от воспаления легких, когда я пошел в последний класс школы. С тех пор собак не держу. А плавать люблю и сегодня. Спасибо за внимание...

Но в том-то и беда: в реальной жизни так легко не отделаешься. Когда требуешь чего-то от жизни (а кто из нас от нее не требует?) — жизнь автоматически запрашивает в ответ целую кучу дополнительной информации. Для построения расчета необходимо ввести больше данных. Иначе ответа не будет.

ДАННЫХ НЕДОСТАТОЧНО. ОТВЕТ НЕВОЗМОЖЕН. НАЖМИТЕ КЛАВИШУ СБРОСА.

Нажимаю на «сброс». Экран пустеет. Люди в аудитории принимаются швырять в меня чем попало. «Болтай! Еще болтай о себе!..» Учитель недовольно сдвигает брови. Потеряв дар речи, я каменею у классной доски.

Нужно болтать. И как можно дольше. Удачно ли, нет — разберемся потом...

Иногда она приходит и остается на ночь. Утром завтракает вместе со мной, уходит на работу — и уже не возвращается. Имени у нее нет. Все-таки она — не главная

героиня этой истории. Очень скоро она исчезнет из повествования навсегда, и, чтобы не запутывать себя и других, я не буду давать ей имя. Но я не хочу, чтобы думали, будто я ею пренебрег. Мне она всегда нравилась, и даже теперь, когда исчезла из моей жизни навеки, нравится ничуть не меньше.

В каком-то смысле мы с ней — друзья. По крайней мере, у нее есть все основания считать себя моим единственным другом. За исключением редких визитов ко мне, она живет с постоянным любовником. Работает в телефонной компании — составляет на компьютере счета за телефонные разговоры. Подробнее о работе я не спрашивал, она не рассказывала. Но, думаю, что-нибудь в этом роде. Подсчитывает, кто сколько наговорил по телефону, выписывает квитанции и рассылает абонентам. Так что свои телефонные счета я всегда вынимаю из почтового ящика так, будто получил интимное письмо.

Совершенно отдельно от своей основной жизни она спит со мной. Два — ну, может, три раза в месяц. Меня она считает «человеком с Луны» или кем-то вроде этого. «Эй! А ты разве не вернешься к себе на Луну?» — хихикает она тихонько. В постели нагишом, всем телом прижимаясь ко мне. Сосками маленьких грудей упираясь мне в ребра. Так мы болтаем каждый раз, когда ночью вдвоем. За окном — несмолкающий гул магистрали. По радио — монотонный шлягер «Human League». «Лига Людей»... Ну и названьице. Какого черта так называть музыкальную группу? Все-таки раньше люди называли свои группы куда приличнее: «Imperials», «Supremes», «Flamingoes», «Falcons», «Impressions», «Doors», «Four Seasons», «Beach Boys»¹...

¹ «Имперские», «Высочайшие», «Фламинго», «Соколы», «Впечатления», «Двери», «Времена Года», «Пляжные Мальчики» (англ.) — *Здесь и далее прим. переводчика.*

Я говорю ей об этом. Она смеется. Странный я, говорит. Что во мне странного — не понимаю. Сам я считаю себя нормальным человеком с самыми обычными мыслями в голове... HUMAN LEAGUE!

— Ужасно люблю, когда мы вдвоем, — говорит она. — Иногда бывает — так захочу к тебе, прямо сил нет! На работе, например...

— Хм...

— Иногда, — подчеркивает она. И потом молчит с полминуты. Заканчивается «Human League», начинается что-то незнакомое. — Вот в чем проблема-то... *Твоя* проблема, — продолжает она. — Мне, например, страшно нравится, когда мы вот так... Но быть с тобой каждый день с утра до вечера почему-то не хочется... Отчего бы, а?

— Хм, — повторяю я.

— То есть ты меня ни в чем не стесняешь, все в порядке. Просто... Когда я с тобой, воздух вокруг становится каким-то тонким... разреженным, да? — Как на Луне.

— Что ж. Вот такой он, запах моей родины...

— Эй! Я не шутки шучу! — Она привстает на постели и заглядывает мне в лицо. — Я, между прочим, все это для тебя говорю... Много у тебя в жизни людей, которые бы говорили с тобой о тебе?

— Нет, — отвечаю я искренне. Кроме нее, больше нет никого.

Она снова ложится и прижимается грудью ко мне. Я ласкаю ей спину ладонью.

— В общем, вот так. Воздух с тобой очень тонкий. Как на Луне, — повторяет она.

— На Луне воздух вовсе не тонкий, — возражаю я. — На Луне вообще воздуха нет. Так что...

— Очень тонкий!.. — шепчет она. Может, не слышит,

что я говорю, может, просто не хочет слышать, не знаю. Но от ее шепота мне неудобно. Черт знает, почему. Есть в нем что-то тревожное. — А иногда и совсем истончается... И тогда ты дышишь вовсе не тем же воздухом, что я, а чем-то другим... Мне так кажется.

— Данных недостаточно... — бормочу я.

— В смысле — я о тебе ничего не знаю? Ты об этом, да? — спрашивает она.

— Да я и сам о себе ничего не знаю! — говорю я. — Ну правда. Я не в философском смысле, а в самом буквальном... Общая нехватка данных, понимаешь? По всем параметрам...

— Но тебе уже тридцать три, так?

Ей самой — двадцать шесть.

— Тридцать четыре, — поправляю я. — Тридцать четыре года два месяца.

Она качает головой. Потом выбирается из постели, подбегает к окну и отдергивает штору. За окном громоздятся бетонные опоры скоростной магистрали. В пред-рассветном небе над ними — белый череп луны.

Она — в моей пижаме.

— Эй, ты! Возвращайся к себе на Луну! — изрекает она, указуя пальцем на небеса.

— С ума сошла? Холодно же! — говорю я.

— Где? На Луне?

— Да я о тебе говорю! — смеюсь я. На дворе февраль. Она стоит у самого подоконника, и я вижу, как ее дыхание превращается в белый пар. Кажется, лишь после моих слов она замечает, что мерзнет.

Спихватившись, она мигом запрыгивает обратно в постель. Я обнимаю ее. Пижамы на ней — холодная просто до ужаса. Она утыкается носом мне в шею. Нос ее тоже как ледышка.

— Уж-жасно тебя люблю, — шепчет она.

Я хочу ей что-то ответить, но слова застревают в горле. Я очень тепло отношусь к ней. В постели — вот как сейчас — мы отлично проводим время. Мне нравится согревать ее своим телом; гладить, едва касаясь, ее длинные волосы. Нравится слушать ее дыхание во сне, а утром — завтракать с нею и отправлять ее на работу. Нравится получать по почте телефонные счета, которые, я верю, она для меня составляет; наблюдать, как она разгуливает по дому в моей пижаме на три размера больше... Вот только чувству этому я никак не подберу определения. Уж конечно, это не любовь. Симпатией и то не назовешь...

Как бы это лучше назвать?

Так или иначе, я ничего ей не отвечаю. Просто ни слова на ум не приходит. И я чувствую, что своим молчанием чем дальше, тем больше задеваю ее. Она не хочет, чтобы я это чувствовал, но я чувствую все равно. Просто веду пальцами по нежной коже вдоль позвонков — и чувствую. Совершенно отчетливо. Так мы молчим, обнявшись, и слушаем песню с неизвестным названием.

Внезапно — ее ладонь у меня в паху.

— Женись на хорошей лунной женщине... Сделайте с ней хорошего лунного ребеночка... — ласково бормочет она. — Так будет лучше всего.

Шторы распахнуты, и белый череп смотрит на нас в упор. Все так же обнимая ее, я гляжу поверх ее плеча на луну. По магистрали несутся грузовики. Временами они издают какой-то недобрый треск — будто гигантский айсберг начинает раскалываться, заплывая в теплые воды. Что же они там перевозят? — думаю я.

— Что у нас сегодня на завтрак? — спрашивает она.

— Да ничего особенного. Как всегда. Колбаса, яйца, тосты. Салат картофельный со вчера остался. Кофе. Тебе могу сварить «кафе-о-лэ»...

— Кр-расота! — радуется она. — И яичницу сделаешь, и кофе, и тосты пожаришь, да?

— С удовольствием, — отвечаю я.

— Угадай — что я люблю больше всего на свете?

— Честно? Понятия не имею...

— Больше всего на свете, — говорит она, глядя мне прямо в глаза, — я люблю, чтоб зима, и утро такое противное, что встать нету сил; а тут — кофе пахнет, и еще такой запах, когда яичницу поджаривают с колбасой, и когда тостер отключается — *дзын-нь!* — просто вылетаешь из постели, как ошпаренная!.. Понял, да?

— Ладно! — смеюсь я. — Сейчас попробуем...

Я человек не странный.

То есть мне действительно так кажется.

Конечно, до «среднестатистического человека» мне тоже далеко. Но я не странный, это точно. С какой стороны ни глянь, абсолютно нормальный человек. Очень простой и прямой. Как стрела. Сам себя воспринимаю как некую неизбежность и уживаюсь с нею совершенно естественно. Неизбежность эта настолько очевидна, что мне даже не важно, как меня видят другие. Что мне до того? Как им лучше меня воспринимать — их проблема, не моя.

Кому-то я кажусь глупее, чем на самом деле, кому-то умнее. Мне же самому от этого ни жарко, ни холодно. Ведь образец для сравнения — какой я на самом деле — тоже всего лишь фантазия, отблеск моего же представления о себе. В их глазах я действительно могу быть как